

Здесь память волны святой
Осталась пенистым следом.
Беспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный ведом.
Александр БЛОК

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — РОССИЯ

Калязинские фрески в Музее архитектуры

АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА есть замечательный роман "Место действия" (1980), в котором явлена цивилизационная битва между старорусской, дедами хранимой традицией и агрессивной индустриальностью XX столетия. Что победит? И — кто? Новизна мегаполиса, напор проектировщиков и мощь нефтеперерабатывающего комбината или тихий образ провинциально-купеческого Ядринска, где, как выясняется, была своя иконописная школа, да и Ермак не абстрактно-легендарный герой, но живой и знаемый человек?

Функционер витиеватого ратует за слом: "Когда-то, при царе Горохе, к вам сюда заглянула история... А потом засучала и ушла. Не понравилось здесь истории, тесно стало". Однако же у сторонника широких дорог и стеклотонных проспектов грядущего Нефте-Ядринска есть оппонент — цельный, хотя и не такой напористый: "Нам есть чем гордиться, и пора перестать стесняться, шапку ломать. И как несправедливо, друзья: в Помпее открыт какую-нибудь малую фресочку, какой-нибудь листик аканфовый, так на весь мир трубят. А тут целая школа национальной живописи, и ни гугу! Ну ничего, мы-то кое-что знаем и кое-что можем".

Сюжет, рассказанный Прохановым и даже экранизированный на "Ленфильме" в 1983 г., как бы примиряет волшебное прошлое и фантастическое будущее, а столкновения персонажей лишь усиливают эффект сложнейшего, почти невыполнимого баланса. Почему я вспомнила о "Месте действия"?

В Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева открылась уникальная экспозиция: "Калязин. Фрески затопленного монастыря". Затопила его не жестокая и буйная стихия, но хома сапиенс, покорявший пространство и время. Конечно, велись разговоры об "истории, которой тесно". Скромный Калязин, у коего название смахивает на те, что выдумывал Алек-

сандр Островский для обитания самодуров-купцов. Точка была выбрана для строительства Угличской ГЭС — грандиозного и смелого проекта, сыгравшего одну из ключевых ролей в годину Великой Отечественной войны: благодаря этой ГЭС в Москву бесперебойно подавалось электричество.

Мы не вправе судить разрушителей, но не можем забывать и уничтоженный монастырь. Впрочем, под затопление ушли почти все местные красоты. Обществу, летящему на всех парах в Прекрасное Далёко, было некогда сожалеть о "второстепенных" городках с их провинциальными колоколенками?! И да, и нет. Монастырь затопили не без боли. Да, колокольня, выстроенная при Павле I, по сию пору жива, являя собой туристическую достопримечательность — грустную и величавую одновременно.

Даже если вы никогда не бродили в тех краях, то всё равно знаете эту "пизанскую башню России", как иной раз кличут её в трэвел-сборниках. Стоящая на острове и окружённая водой, колокольня производит неизгладимое впечатление. Она возвышается посреди Угличского водохранилища — не то как немой укор, не то как символ непотопляемости духа. По Божьему соизволению и благодаря трудом Академии архитектуры фрески 1650-х гг. оказались живы и представлены для созерцания. Итак, место действия — Россия.

Троицкий монастырь основал преподобный Макарий Калязинский в 1434 г. Личность Макария требует отдельного разговора, и на выставочных стендах можно прочесть об удивительном пути, совершённом боярским отпрыском Матвеем Кожиным, который после смерти юной супруги постригся в монахи и принял имя Макарий. Монастырь

ская бытность не давала просветления — Макарий удалился в пустынь и срубил себе келью. Этот духовный подвиг привлёк ещё нескольких иноков, и "свято место" перестало быть пустым — так возник Калязинский монастырь. Макарий до конца дней своих — а прожил он долгую жизнь — оставался не только светлым подвижником, но и трудолюбивым, простым человеком. Очень скоро монастырь сделался одним из оазисов православной мысли. Иосиф Волоцкий писал о калязинской жемчужине: "Такое благочестие и благочестие были в том монастыре, ибо всё творилось согласно с отеческими и общежительными преданиями".

К лику святых Макария причислили при Иване Грозном, а при Петре Великом для мощей была устроена серебряная рака. Вообще цари не забывали город Калязин, о чём свидетельствуют хроники пребывания в монастыре Бориса Годунова, первых Романовых, Екатерины Великой, Николая I. Перестраивался и монастырь: фотографии 1870–1910-х гг. наглядно свидетельствуют о разностилевых сооружениях.

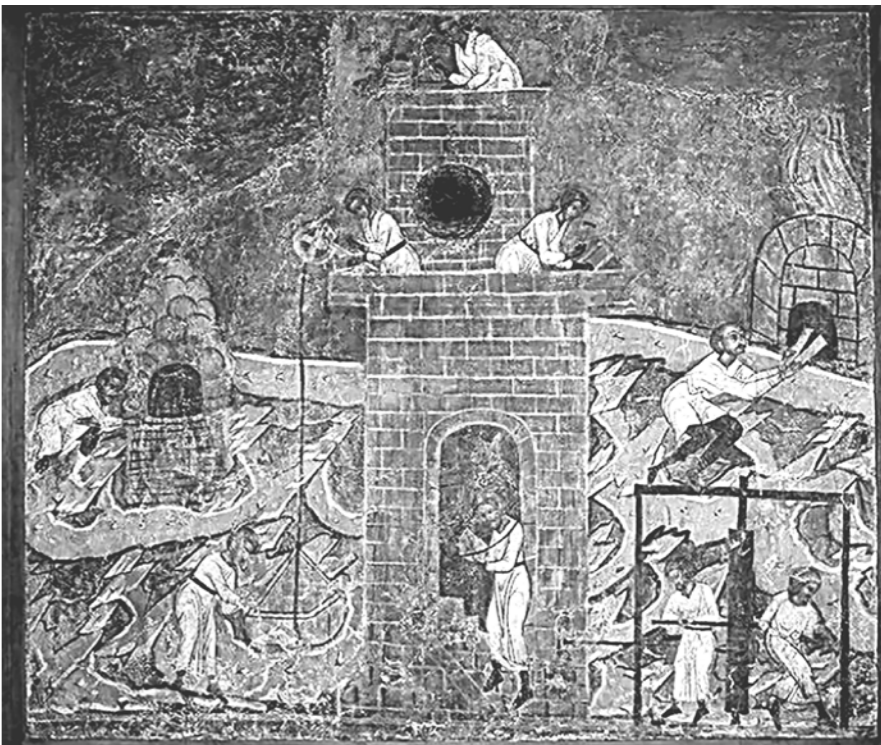
Фрески Троицкого собора, представленные для экспозиции, относятся к середине XVII в., к московской школе, а если точнее — в Калязине трудились царские мастера, известные по кремлёвским и звенигородским работам. Показаны фрагменты из Ветхого Завета, цикл о рождении Богородицы, об Иисусе Христе, а также сцены из Апокалипсиса Иоанна Богослова и лики святых князей. Для Московского почерка было характерно изысканнейшее равновесие "мирского" и "небесного", а фигуры Адама и Евы, ангелов, строителей Вавилонской башни выписаны со знанием анатомии. Притом — ни малейшего натурализма!

Лёгкие, динамичные тела, выразительные лица, нежные цветовые переходы, лишённые контрастов. От фресок веет умиротворением и тянутся невидимые лучи. Рядом — "парсуны" (допетровские портреты от слова "персона") Тишайшего царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской — его первой жены.

А вот — история об эпидемиях и самоизоляции! В 1654 г. в Европе свирепствовало очередное поветрие чумы — и это на фоне чудовищной разрухи после Тридцатилетней войны, а потому царяца вместе со своим двором проживала "на удалёнке" именно в Калязинском монастыре. Сопровождал государыню сам патриарх Никон.

Историк Николай Костомаров описывал те далёкие события с беспристрастностью исследователя: "Осенью распространилась по Московскому государству зараза. Царица с детьми бежала из Москвы в Калязин монастырь. В Москве свирепствовала страшная смертность. Зараза уничтожила большую часть жителей во многих городах. Люди от страха разбегались куда попало, а другие, пользуясь общим переполохом, пустились на воровство и грабежи. Бедствия этим не кончились. Зараза появлялась и в следующие два года". За спасение от чумного кошмара монастырь были поднесены богатейшие почётные дары, в том числе и те две парсуны с монаршими изображениями.

Выставка многомерна, как наша русская биография, поэтому представлены не только фрески и сопроводительные записки к ним, но также макеты Троицкого собора с монастырской трапезной, фотографии и чертежи. Более того, имеются документы, говорящие о самоотверженной деятельности сталинской Академии архитектуры, вставшей на за-

Строительство Вавилонской башни. Фресковая живопись Троице-Макеевского монастыря.

щиту монастырских фресок. Экспедиция художника-реставратора Павла Ивановича Юкина — отдельная страничка этого драматического повествования.

В СССР — при всём государственном атеизме — существовала Комиссия по раскрытию и сохранению памятников древнерусской живописи, а сожжение икон, равно как уродование храмов, — это грязные эксцессы дикарей-исполнителей. Павел Юкин входил в эту комиссию, и, перед тем как монастырь был вынужденно затоплен, в Калязин отрядили специалистов, дабы они аккуратно сняли те неповторимые росписи. Юкина поставили ответственным за эту работу. Диалектический материализм не отрицал творческого экстаза русских иконописцев, как не отторгал и религиоз-

ную живопись эпохи Ренессанса, барокко или классицизма. Другое дело, что происходила утрата божественной сути и оставалась форма без внутреннего содержания. Так или иначе, фрески были спасены от уничтожения и забвения. Парадоксально! Здание Угличской ГЭС ныне тоже приписано к объектам культурного наследия как образец Большого Стиля 1930–1950-х гг. Один шедевр "утопил" — в прямом смысле этого слова — другой шедевр. Это в мировой практике происходит сплошь и рядом, и в подавляющем большинстве случаев невозможно отделить правых от виноватых, а Бог на небе разберётся, что к чему.

Галина ИВАНКИНА

АЛЕКСЕЮ ГИНТОВТУ — УРА!

Слово к юбилею

Дорогой Алексей!
Хочу поздравить тебя с юбилеем. Сам по себе юбилей — это всего лишь "круглая" цифра прожитых человеком лет. Но люди почему-то привыкли именно к этим датам относиться чуть восторженнее, чем ко всем прочим, и соответственно говорить юбиляру какие-то более возвышенные слова. Прости, я не буду следовать этой традиции. Я просто скажу, что считаю тебя человеком Пути. Ты — уникальный художник, человек длинной воли. Цельный, сосредоточенный, глубокий и бескомпромиссный. В моём представлении творческий человек должен быть именно таким. Поз-

тому я и ценю тебя как творца, как товарища, как соратника. Юбилей тут ни при чём. Такие же слова я скажу в любой твой день рождения. А пожелаю тебе хочу бесконечной любви, крепкого здоровья и неуклонного движения вперёд и вверх. Наша Абсолютная Родина всегда с нами!

Александр СКЛЯР

Коллектив редакции газеты "ЗАВТРА" и канала "ДЕНЬ" присоединяются к поздравлению и желают Алексею новых творческих прорывов!

Сверхновая Москва. Художник Алексей Беляев-Гинтовт.

Екатерина Глушик "В центре Европы. Рассказы о Белоруссии". Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.
"Николай Либан. Русская литература. Лекции. Беседы. Заметки. Из архива", Москва, "Водолей", 2020, 782 стр. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.
Книга "Как жил, работал и воспитывал детей И.В. Сталин. Свидетельства очевидца" (Артём Сергеев. Екатерина Глушик) и книга Екатерины Глушик "Пути исповедимые" (публицистика). Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.
Вера ГАЛАКТИОНОВА. Собрание сочинений I том "Восстание праха" (изд. "Русский мир") II том "От четырёх ветров прзд" (изд. "Русский мир") — справки по телефону: 8 (909) 629-26-81 III том "Чаша врагу" (выпущено Товариществом научных изданий КМК) — справки по адресу: info@avtor-kmk.ru.

БЕЗВОЗВРАТНЫЙ ВОЯЖ ЗА ГОРИЗОНТ

Памяти Евгения Головина

ГОВОРИТЬ о Евгении Всеволодовиче Головине (26.08.1938 — 29.10.2010) очень трудно. Особенно — обращаясь к широкой публике и спустя десять лет с тех пор, как он пропал за недоступным нам горизонтом. Трудно — прежде всего потому, что самым главным и самым необъяснимым был тот ужасающий вихрь, который через него врывался в привычный нам мир. Этот вихрь, разрушительный для нашего мира и для захваченных им, вместе с тем раскрывал заволаживающие ностальгические измерения, вызывая непреодолимое метафизическое беспокойство. Отсиживаясь в привычных орбитах и ритмах: завтрак, прогулка, затем кабинет, вечером книга, жена, — делалось невозможным...

Присутствие Головина в этом мире создавало в атмосфере особую напряжённость. Ну, а затем не меньшую напряжённость создавало его отсутствие. В сущности, для знавших Эжена никакого радикального изменения после его ухода не произошло. Напряжение сохранялось, бездны были уже приоткрыты и резонировали в глубинах души, разве что двигаться или не двигаться к ним теперь надлежало самостоятельно. Поэтому нам нечего сказать друзьям и знакомым Головина — им всё известно. Проблема здесь в том, что сами они один за другим покидают сей мир, остались немногие. И скоро не останется никого, кто твёрдо знает, о чём идёт речь.

А с публикой молодой — проблема другая. Кто для них Головин? Так, воспоминания, слухи, бред журналистов, видеозаписи, книги, — одним словом, наследие и всякие рассказы, бывает, нелецеприятные. Можно ли из этого что-то понять?

Головин — поэт, метафизик, философ, бард, музыкант, эрудит, культуролог, мифолог, центральная фигура метафизического андеграунда, знаток тайных трактатов Средних веков и алхимических опусов, известный бесчисленными авантюриными похождениями, лириком и мастер экссцесов.

Начать можно было бы так, что всё верно, но ни о чём. "Ну и что, нам-то от этого что?" — могут спросить молодые люди. С их стороны — вполне правомерный вопрос.

Наследие Головина довольно-таки небольшое: видео- и аудиозаписи лекций, бесед, около тридцати книг, выпущенных под его патронажем. То есть, как книг с его собственными сочинениями, так и книг, где он — составитель, переводчик и комментатор, автор предисловий и послесловий. Из этого наследия в принципе многое можно извлечь, но, во-первых, сделать это очень не просто, поскольку его размышления движутся далеко в стороне от современных понятий и представлений, а во-вторых, даже если вдруг что и станет понятно, этого окажется реально недостаточно, чтобы не только судить, но и вообще рассуждать о значимости Головина.

Попробуем всё же сказать, что и почему. Головин — не учитель народов или избранных индивидов, не культуртрегер. Он никогда не стремился "войти в историю", оставить в ней след. Наоборот, складывается впечатление, что сам он сделал всё, чтобы такого следа не оставить: "Стоять в пыльных книжных шкафах в виде собрания сочинений — перспектива малопривлекательная". Человечество, как современное, так и грядущее, его не особенно интересовало. Тем более — в роли "продолжателя дела" или "хранителя памяти". К тому же, по прогнозам учёных, через каких-нибудь семь миллиардов лет (в перспективе вечности срок пустяковый) Земля упадёт на Солнце и вообще всё погибнет.

В принципе, Головина можно воспринимать и как поэта, а потому подражать ему, следовать за ним невозможно. Да и не нужно: ни у одного поэта никогда не было никаких последователей. Красота распустившегося цветка, брошенная Господом в мир из пространств трансцендентных, только свидетельствует о запредельном, и более ни о чём.

К изучению, чтению Головин относился не так, как наши учёные и исследователи, всякие умные люди. Учёный-мифолог, к примеру, отлично знает всю информацию об Афине и Зевсе, Аиде и Персефоне, прочих античных богах. Но это нисколько не приближает его к божественным и демоническим измерениям. Потому что учёный не верит в этих богов. Они для него — лишь людские фантазии и заблуждения. Тогда как для древнего грека они — очевиднейшая реальность. Мифолог ни шага не делает в сторону этих иных измерений, твёрдо придерживаясь своей точки зрения на мироздание, а именно — позитивизма. Элемент земли в мире учёного главенствует неодолимо. Поэтому в смысле духовного его знания и усилия бесполезны. Он как был на периферии вселенной, где божественные измерения не только теряются в недоступной дали, но отрицаются даже само их наличие, так там и остаётся — в том же болоте, где был.

"Многоязычие уму не научает, иначе оно научило бы Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея", — поясняет тщету такой эрудиции Гераклит.

Головин действует совершенно иначе: самое важное для него — именно эти божественные и демонические измерения, приближение к ним, погружение в них. При этом он действует одинаково как в отношении мифологии, тайных учений, так и в отношении всего остального: литературных произведений, вообще любого бреда, самых странных предчувствий, фантазий, идей. Понятно, что есть разница между реальными божественными измерениями и делириями онирическими, но подход Головина к тому и другому один. Ибо прежде всего необходимо перемещение в Океанос, в стихию воды, где всё что ни есть раскрывается как абсолютно реальное, но одновременно и как мираж.

Чтобы отправиться в такое плавание, прежде всего надо поднять якоря: привычная жизнь, город, страна, окружающий мир должны раствориться в тумане, твёрдость, земля должны отступить. Приблизительно так, как они отступают во сне.

"Якорь и штурвал надо срывать окончательно, тоска по земле совершенно нелепа", — напутствует Головин и разъясняет этап предварительного к тому продвижения: "Несчастные случаи, безумие, провалы памяти, параноидальная потеря ориентации приближают нас к стихии воды".

Разумеется, это — небезопасное плавание, тем более, если длится оно всю жизнь и если всё мироздание навсегда раскрывается как Океанос.

"С той поры я блуждал в необъятной Поэме // Дымно-белой, пронизанной роем светил" — так переводил Головин строки из "Пьяного корабля" Артюра Рембо, отчасти иллюстрирующие этот момент.

Поскольку Эжен не был привязан к элементу земли позитивизмом, да и вообще к доминанции элемента земли в любом проявлении, то, останавливая взгляд на какой-нибудь иной парадигме, докторе, легендарном событии или просто на каком-нибудь человеке, поступке, предмете, он вливал в них жизнь, кровь, дух, наделяя их должной дозой элемента земли и тем самым делая их реальностью. Эта операция совершалась им непреднамеренно, то есть происходила сама собой. Поэтому всё, чего он касался, о чём говорил, о чём размышлял и что находилось вокруг, преображалось, обретало твёрдость и вес, но к тому же — приобретало измерения метафизические. Обыкновенный камень, случайно попавшийся на пути, вдруг превращался в посланника, в отзвук времён первозданных. И, глядя на этот камень, нельзя было не поразиться той колоссальной вселенской энергии, которая миллиарды лет концентрировалась и сгущалась, осуществляя его созидание.

Кстати, касательно камня: в какой-то песне Головина о древнем философе — эры, думаю, мезозойской — есть такие строфы:

Легит на дороге камень,
Недвижен, но тем не менее
Страшусь коснуться руками —
Он из другого времени.

Откуда его порода,
Его недвижный разбег?
Треплю клочковатую бороду —
Первобытный человек!

Не станем, конечно же, рассуждать о приближении Головина к сферам сакральным, которые были для него абсолютной реальностью, а вспомним путешествия хотя бы в пространства воображаемых, литературных.

Герой рассказа Лавкрафта, Рэнгольф Картер, отправляется в сомнамбулистический поиск неведомого Кадата, о котором никто ничего не знает: ни странные боги и демоны далёких вселенных, ни населяющие их невообразимые существа. Не знает о нём ничего и сам Картер, однако всем сердцем стремится к нему.

О местонахождении этого города Головин по началу выдвигает такую догадку: "Вполне вероятно, это не в нашем дрим-лэнде, а в запутанных пространствах, окружающих, скажем, Фомальгаут или Альдебаран".

Следуя за Рэнгольфом, Эжен вместе с ним минует полные недоступных наслаждений сады Зуры, блаженную страну миражей Сона-Нил, где воплотились далёкие грёзы всех живших когда-то поэтов, приближается к Базальтовым столбам запада, за которыми вместо желанной страны абсолютного счастья Катюрии океан земного дрим-лэнда низвергается в пропасть Ничто — к совершенно другим мирам за пределами упорядоченной вселенной.

Страны и острова, вселенные наши и совершенно чужие вместе с неопределимым их населением и дьявольскими богами появляются и пропадают одни за другими, пока, наконец, в ужасающей бездне из бездн бог хаоса Ньярлатотеп не нащелпывает Картеру, что неизвестный даже ему Кадат — это "город твоей детской грёзы", и не возвращает его для дальнейшей поиски в ежедневность...

Странное тонкое сходство с пьяным кораблём Артюра Рембо, который после всех странствий

среди звёздных архипелагов, ураганов и бурь, голубых лагун и бухт гнилых кораблей вместо всех океанов, просторов, Малстрёма возжелал возвращения к берегам незабвенной, уютной Европы:

Я действительно плакал! Проклятые зоры.
Горько всякое солнце, любая луна...
И любовь растеклась в летаргическом горе,
О коснулся бы киль хоть какого бы дня!

Если море Европы..., я жажду залива
Чёрные лужи, где пристани путь недалёк,
Где нахмуренный мальчик следит молчаливо
За своим кораблём, нежным, как мотылёк.

Правда, о сходстве с Рембо можно говорить лишь в том случае, если не заподозрить в его строках более глубоких и сложных ассоциаций. Например, что "нахмуренный мальчик" — также Эон Гераклита, абсолютное начало вселенной — ребёнок играющий: царство ребёнка.

Эжен вместе с Артуром Гордоном Пимом Эдгара По совершает путешествие в самое сердце Антарктиды. Во тьме проступает мерцающий водопад, в его завесу врываються мертвенно-белые птицы с криками "текли-ли", и оттуда вдруг восстаёт закутанная в саван фигура гигантских размеров...

Густав Майринк, Жан Рэ, Ганс Гейнц Эверс, Эдуард Булвер-Литтон, Эрнст Теодор Амадей Гофман — все имена и все путешествия не перечислить. "Что же здесь необычного?" — могут спросить. — Мы, читатели, всегда путешествуем вместе с писателями".

Но необычное есть. Нетрудно заметить, что в устных рассказах, статьях и заметках Головин присутствует о таких путешествиях в точности так, как мы повествуем о путешествиях наших реальных: будто он в самом деле побывал в тех мирах. Это важный нюанс, даже пропасть. Если мы хотим путешествовать, как Головин, надо сначала всё же поднять якоря и превратить эту действительность в грёзу — точно такую, какой нам сейчас представляется, допустим, страна Сона-Нил.

Но тогда...

"Если дорожат земной жизнью, лучше не заниматься этими опасными экспериментами... Сутильное тело души рискует заблудиться в галлюцинативных лабиринтах и не вернуться назад", — предупреждает Эжен.

А был ли у самого Эжена в его плавание по Океаносу какой-нибудь ориентир? Или всё же, отправляясь туда, "где нет параллелей и нет полюсов", "якорь и штурвал надо срывать окончательно", предавался воле стихий?

Кажется, всё-таки нет. Глубокий и тайный, известный только ему. А может быть, неизвестный даже ему.

Однажды я спросил у него: "Женя, а есть ли в твоих изысканиях, в жизни какая-то цель, ориентир?". Задумавшись, он ответил не сразу: "Наверное, всё-таки есть..."

Прочтывай огненный след, метеорит упал в море, вспомнились волны и ринулись к берегам... Постепенно круги разошлись, улеглись, след на небе погас... Рано или поздно в забвение уходит всё.

В случае Головина забвение, может быть, близко. Ну, и каков смысл его появления, каков результат?

Совершенно неверный вопрос. По воздействию и влиянию на этот мир, тем более — по влиянию на грядущее, судят лишь близорукие: решительно всё когда-то исчезнет, пройдёт. Где слава вождей неандертальцев, сколько забыто великих народов, имён, городов?

Пространственно-временной континуум, человеческая ойкумена — это лишь видимый уголок грандиозной вселенной... Незримой. Вневременные иерархии, уровни, планы необъятной вселенной нам недоступны, но они существуют. Ничто не уходит и не пропадает — где-то и как-то всё есть. Это мировой Ум неоплатоников, где бывшее и будущее в мгновении вечности дано сразу всё, это "свершение времён" Майстера Экхарта, это "книга судеб" и так далее. Однако незримое воздействует на наш мир, проявляется в нём. Иногда проявления эти мы замечаем, хотя и не в состоянии объяснить: случайные встречи знакомых в толпе, предчувствия лийной судьбы... Оттуда же вдруг появляются пассиварины Льва Гумилёва, непредсказуемо изменяющие ход истории, оттуда приходят философы и поэты. Так или иначе, но великое не умирает и оттуда в разных обличиях всё равно возвращается к нам.

Не последствия интересны, будь они потрясающе благотворны, немыслимо катастрофичны или их не будет вообще.

Миг блеска молнии, молния как таковая, принадлежащая вовсе не здешнему, а царству вечности, важнее всего.

Краткое резюме словами алхимика Гаспара д'Эспанье: "Необходимо огню спуститься в форме воды, чтобы очистить материю..."

Сергей ЖИГАЛКИН